

Алекс Хилл

«КНИГИ АЛЕКС ХИЛЛ —
ЭТО МОРОЖЕНОЕ С ПЕРЦЕМ!»

ЛЕНА СОКОЛ

ПЕРЕДРУЖБА. НЕДООТНОШЕНИЯ

Алекс Хилл

Передружба. Недоотношения

Серия «Young Adult. Инстахит»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65477533

А. Хилл. Передружба. Недоотношения: ООО «Издательство «Эксмо»;

Москва; 2021

ISBN 978-5-04-117696-9

Аннотация

Для Богданы Лисецкой нет ничего важнее дружбы. И ей повезло найти среди одноклассников тех, кого она с гордостью может назвать лучшими друзьями. Оксану, готовую разделить девичьи проблемы и помочь в трудной ситуации, и Богдана, компаньона по просмотру ужастиков и веселого соседа по парте.

Но детство уходит, ребята взрослеют. Равновесие нарушено. Сердца готовы любить. Пришло время определиться со своими чувствами. Что же это: передружба или недоотношения?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	25
Глава 3	46
Глава 4	65
Глава 5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Алекс Хилл

Передружба.

Недоотношения

© Хилл А., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

Пролог

Мы познакомились в пятом классе. До этого момента даже не знали о существовании друг друга. В нем не было ничего особенного. Обычный мальчишка. Короткие светлые волосы, широкая улыбка и шkodный взгляд. Сначала я едва не расплакалась, когда нас посадили за одну парту. Он казался страшным хулиганом. Я слышала, как он с другими мальчишками обзывал девчонок-младшек. Но выбора не было, я слишком стеснялась подойти к учительнице и попросить пересадить меня. Оставалось надеяться, что все будет не так уж и плохо.

– Привет, – сказал он.

Поморщившись, я бросила взгляд через плечо. На соседнем ряду за третьей партой сидела моя лучшая подруга. Оксана сжала правую руку в кулак, показывая, что нужно держаться.

– Ты что, немая?

– Привет, – тихо выдавила я.

– Я Богдан.

Глаза полезли на лоб, а сердце застучало в ушах. Богдан протянул мне руку, а я все не решалась ее пожать.

– Богдана, – прохрипела я и уставилась в парту.

Он наклонился и повернул голову, заглядывая мне в лицо:

– Ты шутишь?

– Нет.

– А фамилия?

– Лисецкая.

– Значит, Лисенок?

– Нет. Просто Богдана.

– Что ж, Богдана... Приятно и все такое. Надеюсь, ты умная. Косички заплела, значит, умная. Буду у тебя списывать.

Рот раскрылся в немом «о».

– А у тебя какая фамилия? – спросила я, нахмутив брови.

– Кошик, – самодовольно улыбнулся сосед.

– Ульяна Алексеевна! Отсадите меня от Кошака. Я не хочу сидеть с ним.

Класс взорвался смехом. Кто-то начал повторять «кошак, кошак». Учительница смотрела то на меня, то на покрасневшего от стыда Богдана.

– Да и я не горю желанием видеть твою лисью морду каждый день, – злобно выплюнул он.

Одноклассники заулюлюкали, снова слышались смешки.

– А ну, тихо! Успокоились все! Рассадка окончательная и обжалованию не подлежит. – Ульяна Алексеевна поправила очки и снова уткнулась носом в журнал.

Я чувствовала, как горит лицо и как свело живот от волнения. Казалось, вместо того чтобы завести в новом классе друзей, я заимела первого настоящего врага. Но я ошибалась.

Очень ошибалась.

Глава 1

Не могу поверить, я – десятиклассница. Когда-то это было мечтой, а теперь... Малышня заглядывается с любопытством, мальчишки из параллели смотрят влюбленными глазами, а одиннадцатиклассники без конца зовут на свидания. Да-да. На свидания. Только все это не про меня. Рассказ о моей скромной персоне закончился после слова «десятиклассница».

Сижу у фонтана и с грустью смотрю на здание школы. Три круга ада. Точнее, три этажа и спортивная площадка. Только за одно я благодарна этому месту. У меня есть два лучших друга. Одного из которых я и жду. Одну...

Оксанка выруливает из дворов. На ней белая шелковая блузка, короткая плиссированная черная юбка и любимые босоножки на шпильке со стрекозами. Шагает так, словно идет по подиуму. Легким движением руки поправляет светлые длинные волосы, а второй придерживает крошечный рюкзачок. Она у меня классная. Веселая, смелая и очаровательная. А я в нашем дуэте отвечаю за ум, скромность и вечный пессимизм. Мы по-честному разделили обязанности.

Поднимаюсь на ноги и развожу руки в стороны для приветственных объятий.

– Бо, ты обещала, что тоже пойдешь в юбке. Мы же договорились! – недовольно произносит Окси и обнимает меня,

покачиваясь из стороны в сторону.

– Тогда бы вся школа потеряла дар речи от неземной красоты моих ног. Пусть будет только половина. Ты отлично выглядишь. Не устанешь на каблуках ходить весь день?

– Не должна, но если что... я всегда могу их снять, верно? Она смеется, а я улыбаюсь.

– Верно. Ну что? Еще один год каторги?

– Предпоследний год. Нужно успеть сделать все.

– Например, начать готовиться к ЕГЭ?

– Нет, конечно! Замутить со всеми симпатичными старшеклассниками.

– Разве у тебя в списке кто-то остался?

Оксана кокетливо пожимает плечами и берет меня под руку, шагая к перекрестку:

– Завалилась еще парочка. Кстати, тебе бы тоже не мешало с кем-нибудь замутить.

– Мне и так хорошо, спасибо. Хоть кто-то должен оставаться в сознании.

– Влюбленность – это прекрасно!

– Ага, до тех пор, пока ты не узнаешь, что предмет твоих воздыханий тискает какую-то мымру в «Колизее», после того как проводил тебя домой.

– Ден был козлом с самого начала. Я это знала. Но все-равно он был та-а-акой романтичный...

– Когда? Когда считал твои зубы?

– Прекрати, Бо. Когда влюбишься, то тебе будет только в

кайф...

– Фу! Ни за что! Это же твой язык. Он должен находиться у тебя во рту, а не у кого-то другого.

– Вот именно поэтому у тебя и нет парня.

– Мимо. Все потому, что я почти все время нахожусь рядом с красоткой, от которой невозможно отвести взгляд.

– Ты тоже красивая, – серьезно заявляет Окси.

Входим в школьный двор. Старая разбитая плитка не очень подходит для тонких шпилек, и Окси крепче сжимает мою руку.

– Да я богиня! Никто не спорит, – усмехаюсь, – Афродита... Просто не всем дано это увидеть.

Из-за торгового центра вырывается толпа ребят. Замечаю его мгновенно. Идет впереди. Белая рубашка навыпуск, синие джинсы. Кому-то сегодня влетит.

– Оп-па, – наклоняется ко мне Окси, останавливаясь перед крыльцом. – Ему дано, да?

– Прекрати. Мы просто...

Богдан ураганом налетает на меня и поднимает в воздух:

– Лисичка-сестричка!

Он кружится на месте, обнимая меня за талию и отрывая от земли. Сердце оживает, лицо горит, но я стараюсь казаться недовольной. Это часть образа. Я никогда не смеюсь, если смеются все. Не кокетничаю. Не туплю. Не веду себя глупо. Серьезность во всем. Максимальная сосредоточенность.

– Отпусти, Кот. Мы не виделись месяц, а не десять лет.

– Целый месяц, Лисенок. Я соскучился.

Богдан опускает меня на землю и крепко обнимает.

– Отойди от меня, пепельница. Хоть бы жвачкой воспользовался. Сейчас Ульянушка учует, и «Привет, директор».

– За-ну-да! – закатывает глаза Богдан.

Он поворачивается к Оксане, обнимая меня за плечи, и произносит дерзко:

– Классная юбка.

Моя очередь закатывать глаза.

– Ты заметил только юбку? – недовольно спрашиваю я.

– Да и все остальное ничего.

– Я не твоя сметанка, Кот, так что не облизывайся, – отвечает Оксана, выдавливая снисходительную улыбку.

– Кот! Ты идешь?! – кричит Вадик.

– Ты, кстати, тоже на уровне, Лисенок. Только щеки сдуй, а то лопнешь, – тихо говорит Богдан и уносится следом за бандой.

– Вы два дурака, честно! Сколько можно, Бо? – говорит Оксана таким тоном, словно я только что оторвала ее драгоценных стрекоз от босоножек и отправила в полет прямо в кусты.

– Можно что?

– Ты хочешь, чтобы я сказала это в миллионный раз? Seriously?!

– Не начинай, прошу тебя, – в ужасе качаю головой. – Мы уже опаздываем на линейку.

– Скажи ему!

Крепко зажмуриваю глаза в надежде, что, когда их открою, все закончится.

– Лисецкая! Ты-то мне и нужна!

– Галина Витальевна! – радостно здороваюсь с завучем. – Доброе утро.

– Доброе, Богдана, – вздыхает она. – Стасик приболел. Линеюку будешь вести ты.

– Но я...

– Больше никому!

И какой черт меня дернул участвовать в конкурсе чтецов в пятом классе? Хотя чего это я? Знаю какой. Маленький белобрысый чертик, оставивший заявку вместо меня. Я выиграла тот конкурс ему назло, а в качестве приза получила роль бессменной ведущей всех школьных мероприятий, от которой никак не могу избавиться.

– Увидимся после линейки, – грустно улыбаюсь подруге и шагаю за завучем, опустив голову.

Только бы они не сильно изменили текст с прошлого года.

– Привет, Бо! – верещит Маруся.

Киваю однокласснице и утыкаюсь носом в планшет.

– Ты сегодня ведешь? А чего в штанах? Ой! У тебя волосы выгорели или ты покрасилась? Тебе идет, хотя твой яркий рыжий тоже красивый. А я сегодня пою новую песню...

Мозг медленно плавится. Фонтан по имени Маруся

Стрельникова невозможно заткнуть. Мы учимся вместе с первого класса, и я хорошо к ней отношусь, но... Опускаю взгляд и вижу знакомых стрекоз, только не черного, а золотого цвета. Оксанка зовет Марусю «ксерокс». И это еще не все ее особенности.

– Знаешь, мы с родителями летали на Гавайские острова. Я так обгорела! Потом тебе фотки покажу, – щебечет Маруся.

Где только она не была: Англия, Франция, Япония... И конечно же, есть фотоотчет с каждой поездки. Но я больше чем уверена, что единственное классное место, которое она посещала, – курсы фотошопа.

– Ага, – отзываюсь, осматривая школьный дворик.

Еще один год. Предпоследний. Вглядываюсь в лица, тепло разливается по телу. Я знаю практически всех ребят. Может, не лично, но по именам и фамилиям точно. У нас небольшая школа, собственно, как и городок. И сколько бы я ни причитала, все равно по-своему люблю ее. Совсем немного.

Вижу свой класс. Вокруг Оксанки собралась кучка ребят, слушающих ее с раскрытыми ртами. Ромашова – наша звездочка. К ней тянутся все, пока она сама этого хочет. Иногда кажется, что без нее меня никто бы и не замечал, кроме как... Перевожу взгляд левее. Богдан смиренно терпит нотации от Ульяны Алексеевны, нашей классной руководительницы.

Любуюсь другом и понимаю, что тоже страшно соскучи-

лась за этот месяц, что он был на спортивных сборах по легкой атлетике. Но показывать это я, естественно, не буду. Еще решит, что я дурочка, влюбленная в него с пятого класса...

– Лисецкая, готова? Что-то ты у нас и правда не очень торжественно выглядишь, – говорит Галина Витальевна.

Оглядываю свой наряд. Черные брюки с завышенной талией и белая легкая рубашка с шифоновыми рукавами-воланчиками. Что может быть торжественнее первого сентября? Свадебное платье?

– Можете попросить Виолетту, – киваю в сторону одиннадцатого «Г».

А вот и еще одна звезда и вечная соперница Оксанки. Цвиринько Виолетта Батьковна. Стоит красуется в фатиновой юбке и кружевном топе на широких бретелях. Ей бы букет поменьше, фату и... Вон Витька Шаповалов за ней два года бегают. Прямо с линейки в ЗАГС бы и отвел.

– Цвиринько! – кричит завуч и шагает к ней, размахивая руками так, что чуть не сбивает банты пятиклассникам.

– Ты идешь сегодня в сквер? – спрашивает Маруся, пританцовывая под фоновую музыку.

Нервничает, что ли? Она ведь тоже с пятого класса в рядах рабов сцены. Странно...

– Да, наверное. Если папа отпустит. Марусь, ты чего трясешься?

– Сюда должен прийти мой парень, мы с ним в «ВКонтакте» познакомились, – воодушевленно отвечает она.

Интересно, на этот раз он настоящий или тоже выдуманный, как и все предыдущие?

– Ты сразишь его. – Хлопаю одноклассницу по плечу и отхожу на позицию.

Звучат фанфары. Гомон стихает. Взгляды летят в меня точно стрелы, но ни одна из них не сбивает с ног. Дыхание ровное, только руки немного дрожат, когда подношу микрофон к губам:

«Познать, запомнить все на свете,
Обдумать все и все понять,
За все на свете быть в ответе —
День знаний празднуем опять!
Раз праздник есть – он, значит, нужен,
А был бы повод в сентябре...
Вот желтый лист опять закружит
Осенний день в календаре.
Когда нужны и ум, и знания
...а значит, и жива душа...
Родится мир, сквозь испытания
Упорно к мудрости спеша!»

Занимаю свое место в классе. Средний ряд, вторая парта. Олег Горбань садится впереди и оборачивается:

– Здравствуй, Богдана. Ты замечательно выступила. Мне очень понравилось.

– Здравствуй, Олег. Спасибо. Приятно, что ты оценил, –

вежливо отвечаю я.

– Горбань, отвянь! – слышу насмешливый голос, который узнаю из тысячи.

Олег хмурится и отворачивается, а рядом плюхается Богдан и тут же опускает голову на сложенные руки.

– Ты же не должна была в этом году вести линейку.

– Галиша умоляла спасти праздник. Нельзя заменить геня, – высокопарно произношу я, задирая нос.

– Корона не жмет?

– Не-а. А тебе? – поворачиваюсь, вскидывая бровь.

– А я-то что?

Сама не знаю... Еще утром сложилось впечатление, что он стал каким-то... Другим? Кот всегда был задирой и хулиганом, но ничего криминального. Безобидные шутки и проделки. Перетащить все лавочки в один коридор или закрыть физрука в тренерской. Но сейчас он смотрит на всех так, будто стал выше на три головы и узнал тайны вселенной.

– Итак, дети! – Ульяна Алексеевна встает перед доской. – Вы уже взрослые, поэтому лекцию по дисциплине и важности учебного процесса я...

– Не будете нам читать? – радостно спрашивает Вадик.

– Не угадал, Шевчук! Прочту дважды, а может, и трижды.

Слышатся страдальческие вздохи, но перечить Ульянушке никто не решится. Хватка у нее стальная, а разговора один на один никто без слез не выдерживает. Даже мальчики, хоть они и не признаются.

– Разбудишь меня, как все закончится? – шепчет Богдан и закрывает глаза.

– Снова рубился в игрушки всю ночь? Когда ты уже повзрослеешь?

– Нет. Я переписывался.

– С кем это? Нашел себе на сборах новых крутых друзей?

– Лисенок, самая крутая у меня ты. Но кое-кого я все-таки нашел. Девушку.

Сердце останавливается, но мозг продолжает работать на остатках крови, что прилетела к нему с последним сильным толчком.

– Слава богам «Майнкрафта»! Я уже думала, придется тебя лет через двадцать вести на «Давай поженимся».

– Ха-ха-ха... Как же сильно ты меня любишь, – отвечает Кот, подавляя зевоту. – Я тебе потом все расскажу.

– Окей, – отвечаю максимально незаинтересованно, а сама уже пишу сообщение Оксанке с кучей ревущих смайликов.

– И последний вопрос на сегодня, – торжественно произносит Ульяна Алексеевна, в тысячный раз поправляя очки, – где и с кем вы будете сидеть первое полугодие?

Богдан поднимает голову и выпрямляется.

– Ну что, Кошик? – говорит классная руководительница. – Может быть, в этом году обойдемся без представления?

– Все зависит от вас, Ульяна Алексеевна, – отвечает Кот,

выдавая лучшую из своих обворожительных улыбочек, которая обычно позволяет ему выпутываться из всех передраг.

– Да сиди уже со своей Лисецкой. Если только Богдана не против.

Взгляды присутствующих устремляются на меня, вызывая жар нервного расстройства. Чувствую себя котом, которому на спину приклеили кусок скотча.

– Э-э-м-м... Да я...

– Она не против, – вмешивается Богдан.

– Отставить диктаторские наклонности, Кошик! Я спросила не тебя.

Ого! Что ж Ульяна Алексеевна сразу так не прислушалась к моему мнению. Правда, тогда мы с Котом точно бы стали врагами. Общая территория нас очень сблизила.

Это произошло не сразу, после череды мелких пакостей и подстав. Мы столько наслушались от учителей из-за постоянных бурных перепалок, что страшно вспоминать, но под конец пятого класса все изменилось. Ругань превратилась в тихие переговоры во время уроков и глупые переписки на листках, вырванных из середины тетрадей. Часть из них я до сих пор храню в тайной шкатулке. И когда в шестом классе нас попытались рассадить, Богдан устроил скандал. Обещал бросить школу, если ему не разрешат сидеть со мной за одной партой. Ульянушке пришлось сдаться. Хотя мне кажется, ее скорее убедили мои жалостливые слезы, чем крики Кота. В любом случае в начале каждого года пытаться раз-

лучить нас стало уже чем-то вроде традиции нашего класса.

– Ульяна Алексеевна, я не против. Он же без моего контроля совсем скатится, – покровительственно хлопаю Кота по макушке.

– Ну что с вами делать? Сидите. А вот остальных ждет переезд. Шевчук! На первую парту.

– Ульяна Алексеевна! Почему?

– По полу, Шевчук! Ножками, топ-топ. Макаренко, покажи, как это делается?

– За что? – возмущается тусовщица Светка.

– За парту, Света. Лето вас совсем расслабило, элементарных вещей не понимаете.

– Ух ты! Сегодня быстро отстрелялись, – шепчет Кот, сладко потягиваясь.

– Ага, – нервно вожу телефоном по столу. – Выспался?

– Подзарядился, чтобы дойти до дома и бахнуться спать.

– Ты идешь в сквер вечером?

– Да... Наверное...

– А девушка твоя против не будет?

Богдан хитро прищуривается и улыбается:

– Думаю, она вряд ли сможет следить за мной, находясь за несколько сотен километров.

Кто еще из нас лис?

– Не успел найти, а уже обманываешь?

– Не занудствуй, Бо. Ты когда-нибудь перестанешь относиться ко всему так серьезно?

– И превратиться в такого «аля-улю-паси-гусей», как ты?
Нет уж. Спасибо.

– Вре-ди-на, – кривляется Кот и показывает язык.

Сдерживаю улыбку, скрываясь за любимым маневром – цокаю и закатываю глаза.

– Так что это за фея, которая тебя зачаровала?

– Ее зовут Настя. Она тоже занимается легкой атлетикой.

– Надеюсь, она не курит, как паровоз.

– Нет, – хмыкает Кот.

– Так она из другого города? И как вы собираетесь... Ну...

Встречаться?

– Двадцать первый век, Бо. – Кот машет перед моим лицом телефоном. – Знаешь, что это за коробочка? По ней можно разговаривать с людьми на расстоянии. Это как телепатия, только без магии.

– Какой ты умный. Фантастика. Сам давно перестал слать письма в Хогвартс?

– Говорит та, которая собиралась поступать в Алфею.

В шутку бью его по плечу:

– Ой, заткнись!

– Хочешь, покажу мою Настю? Оценишь.

Ох, нет. Только не это. Вдруг я начну плевать кислотой или еще что похуже.

– Все свободны. Увидимся завтра, – произносит Ульяна Алексеевна.

– Кот, мне нужно бежать. Скинь мне в «ВК» ее странич-

ку, okay? – Подрываюсь с места так быстро, что врезаюсь в бедного Олега.

– Богдана, мне так жаль. Ты не ушиблась?

– Все нормально, – лепечу я.

Оксанка появляется очень вовремя. Хватает меня под руку и утаскивает на выход. Моя спасительница!

– Допрыгалась?! А я тебе говорила! Говорила!

– Не нагнетай, пожалуйста... – жалобно прошу я, едва переставляя ноги.

– И что теперь? Будешь и дальше страдать по нему?

– Я не страдаю. – Пытаюсь вернуть на место защиту, но она кажется неподъемной.

– Не страдает она. Сопли вон! Пузырями!

– Нет у меня никаких соплей!

Оксана садится на скамейку в «нашем» дворе, куда мы обычно приходим после школы, чтобы поболтать, и скидывает босоножки.

– Ты ее видела?

– Нет. Но Кот обещал прислать ссылку на ее страничку.

– Сто лет будем ждать. Дай сюда!

Она выхватывает у меня телефон и хмурит брови, водя пальцем по экрану.

– Что ты о ней знаешь?

– Ее зовут Настя, она занимается легкой атлетикой и живет где-то в нашей области.

– Ага... Так... Настя-Настя, ты наше несчастье. Вот же блин блинский!

– Оладушек сметанный! – вскрикиваю я, усаживаясь рядом, и заглядываю в телефон.

Это конец... Конец моих мечтаний о том, что мы с Богданом когда-нибудь могли бы стать кем-то большим, чем друзья. Светлые густые длинные волосы, нереальной длины ресницы. Губки бантиком, а грудь... Грудь!

– Так! Не вешать нос, Бо!

Нервно усмехаюсь, глядя на фото счастливой парочки, щека к щеке. Настенька широко улыбается, а Кот, как всегда, серьезный, но глаза шkodные-прешkodные. Сердце пару раз ударяется в ребра и затихает. Правильно. Какой теперь в этом смысл?

– Это еще ничего не значит, Бо. Курортный роман никогда не живет дольше пары недель после возвращения домой. Вспомни моего Руслана из лагеря. А Костика из санатория?

– Оксан, ты ведь сама их бросала, – расстроено качаю головой. – Без вариантов.

– Ой! Думаешь, Кот так сильно кому-то нужен, кроме тебя? Даю им восемь дней. Вот увидишь, он прибежит к тебе как миленький. Нальешь ему блюдце молока, погладишь по шерстке.

Забираю мобильник и жму на кнопку блокировки, чтобы отправить во тьму доказательство своего провала.

– Ты говоришь мне это пять лет.

– Тебе нужно что-то предпринять. Хватит быть для него Лисичкой-сестричкой. Все! Решено! Ты все время отпираешься, но на этот раз сделаем по-моему. И никаких возражений!

– Не буду я ничего делать!

– Цыц! Тетя Окси знает, что говорит. Мы мало того, что спровадим новоиспеченную бейбу бежать марафон в дремучий лес, так еще и заставим Кота заметить, что рядом с ним есть прекрасная девушка.

– Прекрасная девушка? – хмыкаю я. – Ты, что ли?

– Не я, дуреха! Ты!

– О-о-о... А то он за все пять лет не разглядел.

– Так! – Оксанка поднимается на ноги и вскидывает вверх указательный палец. – Больше оптимизма. Я приду к тебе в пять. Вместе соберемся и начнем операцию. Кот же будет в сквере сегодня?

– Наверное, – отзываюсь без особого энтузиазма. – Слушай, забор сколько ни крась, он все равно забор.

– Шуруй домой. – Оксанка тянет меня за руки. – Поспи. И не думай сидеть на ее страничке три часа и сравнивать. Поняла?

Поняла... Буду сидеть четыре.

– Мне нужно еще у папы отпроситься.

– Уж постарайся. Все. До вечера!

Оксанка звонко чмокает меня в щеку и уносится в сторону дома, а я медленно бреду к своему. Достāju телефон и

снимаю блокировку.

Глава 2

Открываю дверь, надеясь проскользнуть в ванную комнату незамеченной, но Редиска несется ко мне со всех четырех ног, неустанно открывая мелкую пасть и издавая звуки, которые ну никак не похожи на лай нормальной собаки.

– Цыц, сатаненок! Кто тебя придумал? – шепчу я, падая на пол, чтобы приласкать неугомонного любимца.

Мама во время второй беременности периодически сходила с ума и в один из таких дней притащила домой карликового пинчера. А выходила ведь всего лишь за редиской, отсюда и имечко у этой пародии на собаку.

– Лисенок, это ты? – доносится ласковый голос мамы.

– Нет! Твоя внебрачная дочь из Саранска!

– Какая еще внебрачная дочь? – басит папа, появляясь в коридоре.

Он поправляет очки, съехавшие на крупный вздернутый нос, который достался и мне. Его волосы торчат рыжими иголками во все стороны, на футболке свежее пятно от кофе. Еще не ложился? Похоже на то...

– Леля! – кричит он. – Я чего-то не знаю? У нас в квартире чужой ребенок?

Мама выходит из кухни, перетянутая оранжевым слингом, внутри которого прячется маленькое белобрысое чудо, и сдувает со лба светлую челку.

– Леша, ты издеваешься? Она твоя копия. Даже тест ДНК не нужен. Лисенок, как в школе? Посмотрела на линейку со стороны?

– Ага... Как же... Меня все равно заставили быть ведущей.

– Так это же хорошо. Значит, тебе доверяют. – Мама всматривается в мое лицо, в ее голубых глазах мелькает понимание. – Милая, что-то случилось?

– Нет. Я просто... не выпалась.

Поднимаюсь с пола под твяканье Редиски и подхожу к маме, чтобы поздороваться с младшей сестрой. Ангелина беспокойно подергивает соску, хлопая длинными ресницами.

– Хочешь, я ее покачаю?

– Нет. – Мама гладит меня по щеке, встревоженно глядя в глаза, которые я упрямо пытаюсь отвести. – Иди поспи. Мы сейчас покушаем и тоже пойдем отдыхать. И кое-кто, кстати, тоже. – Она меняет тон на строгий и впивается взглядом в отца. – Леш, ну сколько можно? Не убежит твой проект. Ты себя видел? Суп на плите. Есть и спать! Из меня недавно вылез человек, так что я за себя не отвечаю.

– Слушаюсь и повинуюсь.

Вымученно улыбаюсь родителям и ухожу в свою комнату. Закрываю дверь и прислушиваюсь к их шепоту.

– У нее глаза красные, – говорит папа.

– Да. Я заметила.

– Думаешь, наркотики?

- Леша, ты с ума сошел? Хуже. Думаю, мальчики.
- Уже пришло время? Доставать ружье и биту?
- Закупайся успокоительными, Леш. Больше нам ничто не поможет.

Божечки-кошечки... Только бы они не вздумали проводить со мной воспитательную беседу. Я этого не переживу.

Подхожу к кровати и падаю на покрывало. Сигнал сообщения не дает расслабиться. Ну кто там? Проверка от Окси? Хочет узнать, не бросилась ли я под машину по дороге домой?

Ком: «Зацени! *ссылка на страницу ВК*»

Боль в груди напоминает о глупой обиде. Он мой друг. Друг! Хватит уже. Ну пожалуйста...

Бо: «Вы отлично смотрите *смайлик с глазами-сердечками*»

Хорошо, что по SMS нельзя узнать, как на самом деле выглядит человек в момент отправки текста. Самый удобный способ общения для лжи.

Ком: «Спасибо *улыбочка*»

Фыркаю, опуская на кровать руку с телефоном. По щекам

бегут слезы. Вибрация вновь ударяет в ладонь. Неужели мало похвалила?

Ком: «Ну а ты, Лисичка-сестричка? Как на личном? Я готов тестировать твоих потенциальных парней *смайлик – улыбающийся чертенок* *смайлик-пистолет*»

Бо: «О-о-о-о... Их целый вагон набрался за тот месяц, что тебя не было. У тебя не останется времени на собственные отношения, поэтому не парься. Я справлюсь *смайлик в темных очках*»

Ком: «Ты же знаешь, что для тебя я всегда найду время».

Запихиваю телефон под подушку. Наверное, правда стоит поспать, иначе к вечеру я опухну от слез так, что точно никуда не пойду. А может, и не стоит? Зачем мне в сквер? Я не люблю шумные компании. Чувствую себя лишней. Меня в них, кстати, тоже не жалуют. Лучше выплусь и отдохну хорошенько перед первым учебным днем.

В ушах звенит песня корейской группы. Вслепую ищу в постели телефон и принимаю звонок.

– Я уже иду к тебе! – бодро произносит Оксанка.

– М-м-м...

– Ты там что, дрыхнешь и сны про пирожки смотришь? А ну, вставай!

– Оксан, я подумала...

– Ла-ла-ла... Ничего не слышу! Пш-ш-ш... Бо! Я уже скоро буду. Пш-ш-ш-ш... Ваш звонок будет прерван, поэтому просыпайтесь и бегом в душ!

Этот бульдозер уже не остановить. Поднимаю тяжелую голову с подушки и плетусь на кухню. Мама сидит за столом перед чашкой с зеленой жижей, которую она зовет чаем для похудения.

– Проснулась, солнышко. Покушаешь?

– Нет, мам, не хочу, спасибо. Вообще-то я к тебе с вопросом.

– Я тебя внимательно слушаю, – настороженно произносит она.

– Сегодня вроде как праздник, и все одноклассники идут в сквер...

– Милая, ты же знаешь, кто у нас решает эти вопросы...

Знаю! У папы полгода назад начался «родительский кризис». Он заметил, что я отпрашиваюсь только у мамы, и загрустил. С тех пор, чтобы подбодрить его, мама каждый раз заставляет меня разыгрывать спектакль «папочка, миленький, разреши любимой доченьке погулять».

– Ну, ма-а-ам, – тяну я.

– Ну, до-о-очь, – передразнивает она.

Вздыхаю и направляюсь в гостиную. Папа сидит за компьютерным столом и смотрит в монитор.

– Уделишь минутку старшему ребенку?

Присаживаюсь на диван, потому что знаю, минуткой точно не обойдется.

– Даже две, – отзывается он и поворачивается на крутящемся кресле, отталкиваясь ногами от пола.

– Отпустишь меня погулять сегодня? – выпаливаю как на духу и прищуриваюсь в ожидании града вопросов.

– Куда? С кем? Надолго? Что вы там будете делать? Пить? Курить? А мальчики будут? Кто? Имена, фамилии...

– Папа-а-а-а... – Откидываюсь на мягкую спинку дивана, задирая голову. – В сквер. С одноклассниками. В десять вернусь. Ничего запрещенного делать не буду. Идет весь мой класс. У тебя на каждого уже досье есть.

– Богдан будет?

– Да.

– Давай телефон. Я хочу поговорить с ним.

– Ты шутишь?

Слышу за спиной тихое хихиканье матери. Оглядываюсь, включая умоляющий взгляд, который разворачивает огромный транспарант над моей головой с надписью: «Спаси!», но она лишь продолжает улыбаться.

– Я должен быть уверен, что за моей дочкой будет присматривать взрослый человек, которому я доверяю, – безапелляционно заявляет папа.

Делать нечего. Соппротивление только оттянет неизбежное. Набираю номер Кота, тяжело вздыхая. И так каждый раз. На самом деле это довольно унижительно. Кто еще за кем

присматривает?

– Бо? – слышу в трубке удивленный голос друга.

– Кот, тут...

Не успеваю больше ничего сказать, потому что папа хватывает телефон и прижимает его к уху.

– Здравствуй, сынок. Это дядя Леша. Ну как ты? Как сборы? Ты уже так давно к нам не заходил, мне не с кем смотреть футбол.

И начинается... Футбол, триатлон. В общей сложности папа болтает с Богданом десять минут, прежде чем перейти к первостепенной теме разговора.

– Тут наш Лисенок гулять намылилась. Мне как-то неспокойно.

Не слышу, что говорит Кот, но по папиному лицу понимаю, вещи правильные. Морщины на напряженном лбу разглаживаются, взгляд светлеет.

– Спасибо, сынок. Смотри мне! Я только тебе ее доверяю. Жду на выходных.

Папа возвращает мне телефон, довольно улыбаясь. Отеческий долг выполнен. Ура! Проигравших нет, но есть пострадавшие. Мое самолюбие, например.

– Теперь я могу пойти собираться?

– Еще пока нет. – Папа качает головой.

Вскакиваю на ноги и бросаюсь ему на шею.

– О великий отец клана Лисецких! Спасибо за доброту и доверие! Спасибо за...

– Все-все! – смеется он. – Иди уже.

Тихая трель дверного замка доносится из коридора.

– Это Оксанка, – отвечаю на немой вопрос родителей и бегу открывать дверь.

– Тебя отпустили? – кидает она с порога.

– Да!

– Отлично, – улыбается Окси.

Замечаю в ее руках пакет и делаю шаг назад:

– Не говори мне, что там...

– Моя одежда и косметика. Нам нужна тяжелая артиллерия.

– Я ее не унесу.

– У тебя нет права голоса. – Оксанка смело заходит в прихожую и скидывает босоножки. – Здравствуйте, тетя Лель.

– Девочки, может, чайку?

– Мне, пожалуйста, с двумя ложками валерьянки, – произношу я.

Смотрю в зеркало после часа мучений. Оксанка могла бы пытаться людей плушкой и бесконечными «не ерзай», «не моргай».

– Тетя Ле-е-ель! – кричит Окси, приоткрыв дверь в комнату. – Вот теперь можно!

Она пропускает маму с малышкой на руках. Перевожу на них взгляд и медленно возвращаюсь к своему отражению.

Что это за уродец?!

Кудри сделали волосы короче, а голову круглее. Рыжий одуванчик-мутант. Черные стрелки на глазах делают меня похожей на японку, а яркая темная помада превращает губы в кружок, словно я украла соску у младшей сестры. Блузка на моем минус первом размере груди болтается, юбка слишком натянута на широких бедрах. На секунду теряю равновесие в Оксанкиных босоножках, подворачивая ногу, и еле сдерживаю истерический вопль.

– Ну-у-у... – тянет Оксанка. – Что скажете?

Мама ошарашенно хлопает ресницами.

– Непривычно, конечно, но... – с умным видом начинает Окси.

– Это что такое?! – Папина голова выглядывает из-за маминой макушки. – Кто это? Где моя дочь?!

– Пошли, Леш. Девочки сами разберутся, – говорит мама, включая задний ход.

– Что?! Да я из дома ее не выпущу в таком виде!

Несмолкаемое бурчание папы доносится из-за закрытой двери. Тяжелый вздох слетает с губ.

– Не нравится? – расстроено спрашивает подруга.

– Оксан, это все подходит тебе. И кудри, и помада. А я – заготовка под человека. Мне нужно что-то попроще.

– Перестань наговаривать! Сейчас мы все поправим.

– Знаешь, все это так глупо. Я пас, серьезно. Не хочу.

Сбрасываю босоножки и стягиваю блузку через голову.

– Но...

– Хватит!

– Ты совсем не хочешь идти?

– Нет. Мы пойдем. Зря я, что ли, отпрашивалась? Сейчас только вернусь в свой привычный образ и двинем.

– Образ американского бомжа?

Оксана обессиленно плюхается на постель, и я кидаю ей в голову юбку.

– Эй! Я вообще-то помочь хотела!

– Знаю, – произношу ласково. – И спасибо, но... – снова смотрю в зеркало.

Мне до Оксаны или той же Настеньки, как до Китая на роликах. Ну не такого я типажа.

– Я не собираюсь меняться ради кого-то. Не нравлюсь такая, как есть? Значит, не судьба.

Хватаю расческу и провожу по тугим кудряшкам, которые, словно издеваясь, тут же возвращаются в исходное положение. Добрая треть моих волос пала смертью храбрых и теперь захоронена в братской могиле, где на мемориальной доске написано «Тангл Тизер».

– Ты их клеем побрызгала?

– Мусс сильной фиксации. Нужно мыть голову.

– Сколько у нас еще времени?

– Опаздываем на полчаса.

– Справлюсь за десять минут. – Вытаскиваю из комода первую попавшуюся футболку и снова кидаю в Оксанку. – Погладишь?

– Серьезно?! «Мне неприятно». Да с такой надписью к тебе точно никто не подойдет!

Закатываю глаза и роюсь дальше в ворохе одежды. Достаяю еще одну футболку и снова бросаю. Второй пошел, полет нормальный.

– Эта без надписи.

– Здесь какой-то мальчик с красным шариком. Жуть.

– Гладь давай! – усмехаюсь я. – И между прочим, фильм классный. Про клоуна. Все, как ты любишь.

– Фу! Замолчи! Бр-р-р... Просила же не напоминать мне об этих монстрах.

– Милая...

Дергаюсь от неожиданности и ударяюсь затылком об кран, под которым, скрючившись буквой «зю», пытаюсь отмыть волосы от мусса фирмы «Момент».

– Мам! Чего так пугаешь? А если бы я пробила голову?

– Давай помогу.

Чувствую ее пальцы в волосах. Нежные, успокаивающие.

– Знаешь, Лисенок... Ты у меня и так красавица.

– Я кусок тебя. Ты не можешь говорить по-другому.

– Мой самый красивый кусочек, – смеется она. – А если серьезно, все это ерунда, Бо. Если хочешь кому-то понравиться, нужно оставаться собой. Влюбляются не в прическу, не в макияж и не в одежду.

– А во что тогда, мам? Только на таких ведь и смотрят. Таких любят.

– Неправда. Для любви нужно куда больше, чем внешность.

Мама выключает воду и набрасывает мне на голову полотенце, промакивая волосы. Вытирает лицо и щелкает по носу.

– Кто-то обязательно влюбится в твои веснушки или улыбку. В твой вечный сарказм и страсть к кукурузным палочкам. В твою смелость. Доброту. Обаяние.

– Все-все... – смущенно отвожу взгляд.

– А возможно, уже влюблен.

– Если бы это было так, я бы знала...

– Необязательно. Может, момент еще не настал.

– Момент для чего?

– Беги, милая. Я обезвредила отца, вручив Ангелочка, но скоро они будут рыдать на пару. Ты ведь не хочешь часовой разговор о пестиках и тычинках?

На всех парах несусь в комнату. Сушу волосы, радуясь, что они от природы прямые. Матирующий крем на лицо. Немного сияющего хайлайтера на скулы, гель для бровей и два взмаха тушью для ресниц. Натягиваю свободные джинсовые шорты и футболку, которую любезно протягивает Оксана.

– Последний штрих, – заявляю театрально и наношу на губы клубничную гигиеническую помаду. – Ну как?

– Пошли, бомжонок. Хорошо, что у меня есть план «Б».

Оксанка хватается меня за руку и тянет в коридор. Зашну-

ровываю кеды. Подруга изящно впригивает в босоножки.

– Какой еще план?

Вырастаю рядом с ней, распрямляя спину. Обе смотрим в большое зеркало, висящее на стене. Небо и земля. Красивая девушка и... просто я. Не уродина, но и не модель. Что-то болезненно сжимается внутри. Зависть? Уходи, уходи... Не хочу это чувствовать.

– Будем давить психологически, – подмигивает Окси в отражении.

– Что-о-о?

– Расслабься. Предоставь это мне. – Она снова хватается меня за руку и открывает входную дверь. – Мы ушли!

– Удачи, девочки! – отзывается мама.

– Куда?! Я еще не одобрил внешний вид! – кричит папа, но мы уже бежим вниз по лестнице.

Осенний вечер ощущается как летний. Только ветерок уже веет холодом, обещая скорые перемены. Сквер, в который мы направляемся, находится недалеко от школы и от моего дома тоже. Десять минут – и на месте. Поэтому, пока есть время, пытаюсь выпытать у подруги подробности очередного сумасшедшего плана, который она придумала.

– Что ты собираешься делать? Только не начинай про привороты и магию убеждений.

– И не собираюсь. Я всего лишь влезу ему в голову и наведу там порядок. Как и тебе...

– Оксан, ты с ума сошла? Фантастики пересмотрела?

– Бо, успокойся. Я просто подберусь поближе, выведу его на откровенный разговор, задам парочку нужных вопросов и дам несколько дельных советов и...

Вуаля! Кошачьи глазки откроются в правильном направлении.

– С чего ты взяла, что он будет тебя слушать?

– Все слушают, Бо. Даже ты.

Это факт. Иногда мне кажется, что эта девчонка ангел, а иногда... что она – суший дьявол.

– Подбородок повыше. Улыбайся, Бо. Тебе должно быть весело.

– Почему?

– Потому что, по легенде, мы задержались из-за свидания.

– Какого еще свидания?!

Оксана выпрямляет спину и замедляет шаг, как только мы выходим на ровную дорожку из серой плитки. Впереди видны лавочки-кубики, построенные вокруг квадратных клумб, на которых уже расположились одноклассники и ребята из параллели.

– Всем привет! – громко говорит Окси, получая улыбки и приветствия в ответ.

– Мы вас уже заждались! – визжит Маруся. – Садитесь со мной!

Она двигается к краю, перебирая в воздухе пухлыми ножками, которые украшают несчастные стрекозы. Оксана де-

монстративно оглядывает другие лавочки и ведет меня за собой в самый центр тусовки.

– Спасибо, Марусь. Увидимся позже, – бросаю через плечо.

Ищу Богдана взглядом, но безуспешно, зато слышу гоготание Вадика. А где один, там и второй. Подходим ближе, замечаю Кота. Он сидит на скамейке на корточках, точно воробей на жердочке. Руки расслабленно лежат на согнутых коленях, голова немного опущена, но я отчетливо вижу улыбку и шkodный прищур. Наверное, только что пошутил и доволен собой.

– О! – басит Шевчук, толкая Кота. – Оксанка и Лисецкая...

Не разбираю конец фразы из-за хохота ребят с противоположного «кубика». Кот спрыгивает на землю и направляется к нам, размахивая руками. Меня всегда забавляла его походка и умиляли едва заметные ямочки на щеках. Оксана дергает меня за руку, усаживая на свободное место. Богдан останавливается напротив.

– Что это? – Он тычет пальцем в мою футболку, и я автоматически опускаю голову. – Попалась! – хватает меня за нос.

Бью его по руке, собираясь вскочить и как следует оттягать его за уши, но получаю по ноге острым крылом стрекозы, а в мыслях слышу: «Хватит уже быть для него лисичкой-сестричкой».

– Оксан, где вы были? Я, кстати, принес, что ты просила.

Вадик двигается ближе, разогнав несколько ребят, и протягивает через меня банку с пластмассовой трубочкой.

– Спасибо. – Подруга принимает дар и открывает его с шипящим звуком, как в рекламе «Пепси». – Мы из-за свидания Бо опоздали. Еле ее отвоевала.

Ложь неприятной тяжестью ложится на грудь. Мне не нравятся такие методы, но приходится молчать. Поднимаю глаза на Богдана, который смотрит на меня с... Уважением? Он рад? Супер! Отличный план...

– Свидания? У Лисецкой? С кем? С вымышленным парнем?

– Единственное, что здесь вымышленное, Шевчук, так это твое чувство юмора, – язвлю и одновременно качаю головой, отказываясь от предложения Окси сделать глоток ее напитка.

– А еще твоя грудь, – не унимается одноклассник.

– Вадик, ты что, бессмертный? – вмешивается Кот. – Бо, я тебе тоже попить принес.

Он протягивает мне открытую стеклянную бутылку.

– Смешно, – морщу нос, отворачиваясь.

Слышу отголоски счастливого смеха ровесников. Он колючий, словно стая ежей, которая решила дружно меня обнять. Щеки касается холод. Богдан снова стоит передо мной и в его руке... «Алоэ»!¹

¹ Безалкогольный негазированный напиток «Aloe vera». – Прим. автора.

– Твои любимые сопля, – усмехается Кот.

Буря в душе утихает. Хватаю бутылку, откручиваю крышку и делаю несколько глотков.

– Сам ты сопля, это напиток богов. А ты вообще-то спортсмен, не забыл? И все вот это, – указываю пальцем, – вредно!

– Завела шарманку, – раздраженно вздыхает Вадик.

– А ты, Шевчук, не отлынивай. Продолжай в том же духе, и тогда мне не так уж долго придется терпеть твою рожу.

– Что ты имеешь в виду?

– А ты погугли.

Вечер закручивается в предсказуемую спираль событий. Разговоры о прошедшем лете, нытье о предстоящей учебе. Шутки, приколы. Кто-то включает портативную колонку. Сквер шумит под заводной ритм модной песни. Народ наслаждается последним днем беззаботных гулянок перед школьной рутиной.

Бросаю взгляд на параллельный «Д»-класс, сидящий в стороне, и, конечно же, она тоже смотрит. Таня Головань – верная поклонница Богдана. Они знакомы с пеленок, живут в одном доме. Таня уже давно перестала скрывать свои чувства, если вообще делала это. У них с Котом тоже есть своеобразная традиция: каждый год на день всех влюбленных она признается ему в любви и предлагает встречаться и каждый раз получает отказ, но... Упертости и смелости ей

не занимать. Головань не сдается.

Мне бы ее силу воли.

– Бо сказала, что ты был на сборах? Это что-то вроде лагеря для спортсменов? – спрашивает Оксанка, болтая ногой в воздухе.

Нас окружает почти вся сильная половина класса. Мальчики неотрывно наблюдают за каждым движением Ромашовой и ловят каждое слово, едва ли не пуская слюни. Мне их даже жаль. Бедняги...

– Ну да... – отвечает Богдан.

– И как там? Было что-то интересное?

И тут начинается кошачье представление. Богдан рассказывает истории о поездке, взрывая животы слушателей. Все в ролях и с наглядными примерами. Вокруг собирается целая толпа. И я тоже не могу оторвать от него взгляд.

Ему действительно было весело этим летом, и это здорово. Я рада за него, но почему-то чувствую слабые объятия грусти. Осталось всего два года, а потом мы разъедемся по разным городам, поступив в университеты. Будем ли мы дружить? Будем ли общаться? Ведь уже сейчас он уехал на месяц и почти забыл про меня.

Упускаю момент, погрузившись в мысли, а когда возвращаюсь в реальность, Кот стоит с задранной футболкой, демонстрируя пресс.

– Ну-ка, ну-ка! Давай я заценю, – хохочет Оксана, вытягивая руку.

– Да пожалуйста, – смело отвечает Кот.

– Неплохо, неплохо... – Оксанка изображает известный интернет-мем, поглаживая его живот. – Бо, попробуй ты!

Сжимаюсь, желая уменьшиться до размеров песчинки, а лучше совсем испариться. Лицо вспыхивает, а во рту становится сухо. В панике хлопаю ресницами, глядя на подругу. Богдан, как назло, воспринимает ее предложение с большим энтузиазмом:

– Давай, Лисенок. Хочу услышать мнение настоящего эксперта.

А в тыкву, которая у него вместо головы, он получить не хочет?

– Ты его только что услышал, – бурчу я. – Спрячь пузо, Кот. Не на пляже.

– Лисецкая засмущалась, – присвистывает Вадик.

Бросаю на него косой взгляд, а в ответ получаю насмешливую полуулыбку. Ну все! С меня хватит! Поднимаюсь на ноги, заставляя Богдана сделать шаг назад, и поворачиваюсь к Оксане:

– Мне уже пора.

Она смотрит на меня с укором и встает:

– Конечно, идем.

– Нет, ты оставайся. Я сама... – Поднимаюсь на носки и чмокаю Оксану в щечку. – Увидимся завтра.

Не дожидаясь реакции, проталкиваюсь сквозь толпу ребят. Задыхаюсь от их количества и давящих взглядов, но

упорно делаю вид, что спешу по важным делам. И только одна пара глаз смотрит с искренним сочувствием – Маруся. Она слабо улыбается мне, как бы намекая, что понимает. Коротко киваю ей и сворачиваю на дорожку, что ведет на выход из этого веселого местечка.

– Бо!

Шустрый топот слышится за спиной. Еще лучше!

– Да погоди ты! Куда стартанула?

– Я найду дорогу домой, Кот. Можешь возвращаться и дальше веселить народ. Советую начать деньги брать. Озолотишься.

– Что с тобой такое?

Богдан пристраивается рядом, замедляя шаг.

– Ничего.

– Серьезно? А вот я так не думаю. Если это из-за Вадика, то я с ним поговорю. Не знаю, почему он вообще к тебе все время цепляется. Может, ты ему нравишься?

– А может, потому, что в седьмом классе я вылила ему на голову банку с водой на уроке рисования? А в восьмом стакан компота. А в девятом...

– Залепила ему в рожу куском торта в его день рождения, – весело продолжает Богдан.

– Вадик всегда сам напрашивается. Не я это начала.

– Да уж. Хорошо, что я дружу с тобой, а не...

Получаю холодным ветром по лицу. Не хочу сейчас ничего слышать про нашу дружбу.

– Я обещала маме помочь искупать Гелю. Со мной все нормально. Иди обратно.

– А я обещал твоему отцу, что провожу тебя. Видишь, мы оба примерные дети.

– Ага, – поворачиваюсь, выгибая бровь. – Особенно ты.

– Особенно я, – улыбается Кот и кивает, прогоняя все дурные мысли из головы.

Вообще все мысли! Ненавижу его за это и одновременно...

Какая же я ду-у-ура!

Интересно, это когда-нибудь прекратится? Эти выворачивающие наизнанку чувства, когда смотришь на человека и улетаешь в другое измерение. Когда он кажется идеальным, хотя это далеко не так. Когда отчаянно желаешь увидеть в его глазах хоть каплю ответных чувств.

Глава 3

Шагаем с Богданом по темному двору плечом к плечу.

– Ита-а-ак, – тянет он.

– Что?

– Значит, свидание? С кем? Я его знаю?

Ого. До отца ему еще далеко, но старт взят хороший. Столько вопросов. Оксана, конечно, молодец, но легенду она мне не рассказала. Самой все придумывать?

– М-м-м, – жую нижнюю губу. – Да там... Ну... Ничего серьезного.

– Ты и свидание? Это очень даже серьезно.

Чувствую на себе его взгляд, точно капли ледяного морозящего дождя. Ненавижу врать и сейчас не хочу этого делать, но признаться во лжи еще хуже...

– Проехали! Лучше расскажи, как там с Настенькой?

– Хорошо.

– И все?

– Тебе нужны подробности? У нее такие классные...

– Стоп-стоп! Все ее прелести можешь обсудить с Вадиком, – фыркаю я и, забывшись во вспышке нервозности, неудачно ставлю ногу на камень. – Ай!

Теряю равновесие, и меня подхватывает пара сильных рук.

– Осторожнее, – тихо говорит Кот, сжимая мои плечи.

Поднимаю голову. Сердце предательски вздрагивает под пристальным взглядом серых глаз. Раньше такого не было. По крайней мере, не так остро. Это же Богдан. Мы могли заснуть рядом и проспать до утра в одной кровати, беситься и таскать друг друга по комнате. Прикосновения... Это всего лишь обычные прикосновения, но почему-то теперь они такие, словно бьющие током прямо по венам.

– Порядок, – произношу, отстраняясь. – Спасибо.

Продолжаем путь в неловком молчании. Едва сдерживаюсь, чтобы не перейти на бег и не скрыться за дверью подъезда как можно скорее. Если он узнает... Догадается...

– Бо, у тебя что-то случилось?

– Нет, все хорошо, – отвечаю поспешно.

– Я же вижу...

– Тебе кажется.

– Ты что-то скрываешь. Дерганая и злая. В чем дело?

– Да нормальная я!

– Ага. У меня аж уши заложило.

А-а-а... Это фиаско, братан...

– Все... – выдавливаю я.

Кот хватается меня за руку, останавливая. До спасительного укрытия осталось всего десять шагов. Ветер качает кроны старых лип, и шелест их листьев шепчет, что я дура.

– Эй, Лисенок. Ты на меня обижена? Я что-то сделал?

Не могу набраться смелости, чтобы посмотреть ему в глаза, поэтому разглядываю пальцы, сжимающие мое запястье.

– Нет. Я просто... Не знаю... Ты...

Хочу признаться хотя бы в том, что скучала, что рада его видеть. Поделиться переживаниями насчет десятого класса. Излить душу так же, как делала раньше, но... не могу. Язык прилипает к нёбу. Ни слова. Впервые за столько лет у меня такое чувство, что Кот не поймет.

– Ну почему?!

Поднимаю голову, услышав знакомый голос, и вижу, как мама оттаскивает папу от окна. Шпионы, блин!

– Они уже все равно заметили. Богдан! Привет, сынок. Заходите к нам. Чего на улице стоите?

– Здравствуйте, дядь Леш. Да мне уже...

– Леша! – возмущается мама. – Отстань от детей!

– Ладно, – вздыхаю я и выкручиваю руку из цепкой хватки. – Я пойду. Спасибо, что проводил. Увидимся завтра в школе.

– Я тебе еще напишу.

– Окей, – бросаю я и скрываюсь за дверью.

На часах одиннадцать вечера, лежу в кровати и держу в руках телефон. Прожорливый зверек самобичевания устраивается на животе и противно хихикает. Я ведь успешно держала свои чувства к Богдану под контролем, так почему сейчас? Почему они рвутся наружу? Еще и Окси со своим планом, который больше навредил, чем помог. Богдан не пишет мне, хоть и обещал. Это как раз то, чего я боялась. Дистан-

ции, которая в скором времени перерастет в пропасть. Шлю сопливые сообщения Оксанке, но и они остаются без ответа. Кручусь, путаясь в одеяле. Десять раз переворачиваю подушку и в скором времени забываюсь в беспокойном сне, чувствуя прохладу одиночества.

– Опаздываешь! – кричу, вскакивая со скамейки у фонтана.

– Прости, проспала, – говорит Оксана, поправляя воротник идеально выглаженной блузки молочного цвета.

– А так и не скажешь.

Она берет меня под руку и очаровательно улыбается:

– Макияж и прическа творят чудеса.

– Неправда. Это все потому, что ты ведьма.

Направляемся к школе и вливаемся в толпу страждущих.

– Прости, что не ответила вчера, Бо. Была на разведке.

– В смысле – на разведке?

– В прямом. Мне есть что тебе рассказать. Очень-очень много всего интересного, – воодушевленно произносит подруга.

– Расскажи сейчас!

– Это долгий разговор.

– Предлагаешь мне терпеть весь день? Сказала «а», говори «б».

Оксанка загадочно подмигивает мне. На ее лице буквально светится «джекпот». Поднимаемся на второй этаж и за-

ходим в класс, где нас ждут сорок минут геометрии. Подруга никак не реагирует на мои мольбы хотя бы намекнуть на суть предстоящего разговора, но я не сдаюсь.

– Окси-и-и... Ты хочешь, чтобы я мучилась?

Плюхаюсь на свое место и расстегиваю сумку.

Оксанка присаживается на край соседней парты:

– Вообще-то ты заслужила. Сбежала вчера, как жалкая зайчишка-трусишка. Но зато Кот...

– Ш-ш-ш... Ты можешь потише?

Кручу головой, осматривая сонных одноклассников – ленивцы в замедленной съемке.

– Да кому ты нужна? – усмехается подруга и продолжает тише: – Зато Кот вчера бросился тебя провожать. А потом и еще кое-кого...

– Кого?

– Я начала следующий этап плана по вашему сближению. Сжимаю карандаш в руке.

– Кстати, об этом...

– Доброе утро! – здоровается Маргарита Ивановна так громко, что звенит в ушах.

В класс залетает еще несколько человек, среди которых и Богдан, а за ними несется трель звонка. Оксанка спрыгивает с парты и садится на стул. Поворачиваюсь вправо. Мы сидим через проход, но болтать нам это не поможет. Кот занимает место рядом со мной и роняет голову на сложенные на парте руки.

– Ты спать не пробовал? Слышала, после этого чувствуешь себя бодрым, – говорю вместо приветствия.

– Сон для слабаков, – бубнит Кот.

– Вы, наверное, забыли, что я не терплю опоздунов, – говорит математичка. – Кошечка, сядь нормально! У нас здесь не курорт!

Богдан покорно выпрямляется, и я усмехаюсь. Маргоша – женщина-гром. Похлеще Ульянушки.

– Открываем тетради и учебники. Времени на раскачку у нас нет. Через два года экзамены, и мы начинаем готовиться прямо сейчас.

По классу проносится хор вздохов и шелест бумажных листов. Поверх моей тетради падает маленький конверт. Снабжаю взгляд на Оксана и аккуратно разворачиваю послание.

«Не хочу, чтобы ты страдала. Пляши, Бо. Твой Кот свободен. Нет у него никакой девушки».

Хлопаю ресницами, снова и снова перечитывая корявый почерк подружки. Что? Как? Почему? Смотрю на Богдана, пытаюсь поймать волны его настроения. Он расстроен или нет? Непонятно...

– Что-то не так? – шепчет Кот, встречая мой пристальный взгляд.

– Э-э-э... Нет, – мотаю головой.

Богдан протягивает мне скатанный в шарик кусочек бумаги:

– Передай это Оксане.

На автомате выполняю просьбу, наблюдая за подружкой и ее реакцией. Она разворачивает записку и тут же отвечает на нее. Не понимаю, что происходит. До конца урока работаю вынужденным почтальоном. Левый глаз адски дергается, все объяснения Маргоши пролетают мимо ушей.

О чем они разговаривают? Что обсуждают? Еще и так активно...

Богдан и Оксана никогда не общались близко. Максимум могли переброситься парой фраз в школе или на общих нечастых тусовках. Я всегда разделяла дружбу с одной и другим, не желая ставить их в некомфортные условия. Тогда что это? Оксанкин план? Она хочет втереться Коту в доверие, чтобы?..

Мне все это не нравится. Совсем не нравится. В глубине души звучит тревожный звоночек. Ощущаю себя так, словно меня выбросили за борт в холодный океан, над которым сгущаются тучи.

Я никогда, наверное, еще так не радовалась звонку с урока. Нет сил больше ждать и терпеть. Запихиваю вещи в сумку и, прихватив с собой Окси, выскакиваю в коридор.

– Что это за прикол? Когда вы успели с Котом стать друзьями по переписке?

– Вчера, – гордо отвечает Оксанка. – Я же говорила, мне нужно влезть ему в голову, чтобы навести порядок.

– Ты можешь нормально объяснить?

– Да, Бо. Выдыхай. Сейчас я все расскажу.

Устраиваемся на подоконнике недалеко от кабинета истории, где будет проходить следующий урок. Сверлю подружку нетерпеливым взглядом.

– У тебя уже пар из ушей валит, – хихикает Окси. – Ладно, ладно. Слушай. Я вчера поймала Кота, когда он возвращался от тебя. Нам в одну сторону, поэтому пошли вместе, и... – Она делает театральную паузу.

Я ее стукну, честное слово. Если она не перестанет изводить меня, отвешу «печеньку» прямо по гладкому спокойному лбу.

– Окси-и-и... – рычу я.

– Ну и мы разболтались. Он волнуется за тебя. Спрашивал, что случилось, почему ты такая нервная. Интересовался о свидании...

Острый коготь скребет по грудной клетке.

– Надеюсь, ты сказала, что пошутила. Мне не хочется его обманывать...

– Ты с ума сошла?! Это наш главный козырь. Его это задело. И то, как ты морозилась, тоже. Это правильно. Вам нужно перестать быть друзьяшками-симпатияшками, чтобы все получилось.

– Что?!

– Да-да. А как ты хотела?

– Стоп. Тормози, Оксан. Вот так я точно не хотела. Мне все равно, есть у него девушка или нет. Да пусть хоть гарем заведет. Он мой друг, и я не хочу его потерять.

– Кстати, насчет Настеньки. Это все неправда.

– В каком смысле?

– Они не встречаются. Она попросила его сделать пару фоток, чтобы позлить бывшего.

– Но зачем он тогда мне сказал, что нашел девушку?

– Может, затем же, что и мы выдумали тебе свидание? – Оксанка выгибает бровь, ввергая меня в полное недоумение.

Сердце сжимается из-за чувства тревоги и... Ревности? Богдан соврал мне, но рассказал правду Оксане? Он же знает, что мы подруги. Понимает, что я могу хранить их секреты, но они... Оксана рассказала бы мне все в любом случае. Так в чем смысл? Почему он поделился этим с ней, а не со мной?

– О, нет... Нет, нет, Бо. Я обещала, что ничего тебе не скажу. Не сдавай меня. Ты только все испортишь.

– О чем вы переписывались на геометрии?

– Ни о чем. Так... Всякая ерунда. Да ты не парься. Нужно ведь, чтобы он видел во мне свою.

Смотрю в светлые глаза подруги. В них столько уверенности и силы. Может быть, она права? Окси всегда знает, что делает.

Слышу громкий заразительный смех и ищу Богдана. Вижу его рядом с Вадиком, активно размахивающим руками. Кот поворачивает голову и широко улыбается, но не мне. Окси ведет плечом и вновь поворачивается ко мне лицом:

– Пару недель, Бо. Вот увидишь. Он будет твоим.

Он и был моим... Другом. А теперь я уже не уверена в этом.

Что сказать? Сбылась мечта идиотки. Два моих лучших друга стали... Друзьями? Наверное, так. Мы частенько зависаем втроем. В школе, после нее, даже собираемся на выходных устроить вечер кино дома у Оксанки, пока ее родителей не будет. И все должно быть круто. Я, по идее, должна прыгать от счастья, но меня тянет на дно. С каждым из них по отдельности мне комфортно. Я могу быть собой и ничего не стесняться, но вот так, когда мы втроем... Не знаю, что происходит. Я закрываюсь. Больше молчу и туплю в телефоне, не влезая в их разговоры.

Окси все твердит, что мы на верном пути. Говорит, что скоро все изменится и она видит прогресс, но я вижу обратное явление. Мы с Котом практически не общаемся. Между нами появилась ледяная неловкость. Богдан все меньше мне пишет, как и я ему. Неведомой природы страх каждый раз заставляет стирать сообщения, которые я набираю по полчаса. И Кот так и не признался, что Настя не была его девушкой, сказал, что они расстались. Окси заставляет меня продолжать врать о парне, которого нет. Утверждает, что так нужно. И это все разрушает нашу связь с Богданом. Я буквально чувствую, как она рвется. Но Оксанка говорит, это должно помочь создать новые отношения.

Я не знаю... Не уверена...

Зачем рубить канат, который сближает души? Разве нужно отказываться от дружбы, чтобы усовершенствовать отношения? Любовь – тоже канат, а два лучше, чем один. Почему нельзя связать нас новым, не разрубая старый?

Я запуталась...

Субботний вечер кажется по-настоящему осенним, а может, это все потому, что в моей душе идет холодный дождь. Согреться не помогает даже теплый спортивный костюм, зато Оксанка до сих пор обходится укороченной джинсовой курткой и юбкой. Несем из ближайшего магазина два больших пакета с чипсами и газировкой – важные атрибуты для просмотра кино.

– Кот сказал, что придет с Вадиком, – говорит Окси.

– А меня вы не хотели спросить?

– Брось, Бо. Вадик нормальный парень.

– Только с тобой, потому что...

– Не начинай, – отмахивается она.

Вадик с детского сада без ума от Оксаны. Делает все, что она попросит. В начальной школе дарил конфеты, в пятом классе цветные ручки и брелки, но завоевать сердце Ромашовой ему так и не удалось. И по сей день он остается ее верным поклонником, который неумело скрывает свою симпатию. По крайней мере, я ее вижу четко и ясно. Возможно, поэтому мы с ним и грыземся.

– Тебя отпустили с ночевкой? – спрашивает Окси, выгружая газировку в холодильник.

Слышу строгий голос папы из воспоминаний: «У тебя есть свой дом и кровать. Нечего подкидываться. Вот будет восемнадцать, хоть на вокзале ночуй».

– Нет. Отпустили до двенадцати. Папа меня заберет.

Открываю шкафчик с посудой и достаю две большие миски под чипсы и кукурузные палочки.

– И почему дядя Леша меня так не любит?

– Ничего подобного. Он просто... Забей! Это же папа.

– Нужно научиться ставить его на место, Бо, а то он до старости все будет решать за тебя.

Ничего не отвечаю, методично вскрывая упаковки, и пересыпаю снеки в миски.

– Так! – Окси хлопает дверью холодильника. – Пошли готовиться к приходу мальчиков.

– А разве мы не готовы? – отвечаю с полным ртом кукурузных палочек.

– Бо-о-о...

Проглатываю лакомство, но чувствую горечь вместо сладости. Нужно сказать ей. Я устала. Не хочу больше играть в эту дурацкую игру и привлекать внимание. Пусть все станет как раньше. Этого будет достаточно. Я за последнюю неделю убила столько нервных клеток, что не уверена, остались ли еще выжившие.

– Оксан, давай закончим операцию по завоеванию. Ничего не выходит. Я уже смирилась. Ну не видит он во мне девушку. Даже если я в бальном платье начну крутить перед

ним сальто, все останется по-прежнему. Я закрываю эту тему.

– Правда? – Она хлопает длинными прямыми ресницами.

– Да... Я... Наверное, у всего есть срок годности. И у чувств тоже. Мне все равно. Честно. Мы с Котом друзья, пусть так и остается.

Ложь печет язык и горло. Кровь приливает к голове и гудит в ушах. Хочу остаться один на один со своими чувствами и больше никому не позволять ковыряться в них. Даже Оксане.

– Ты уверена? – настороженно спрашивает она.

– Да, – твердо киваю.

Окси подходит ко мне и крепко обнимает. Собираю волю в кулак, чтобы не расплакаться. Решила, значит, решила. Хватит мне уже страдать. Сколько можно?

– Хочешь я скажу Коту, что сегодня все отменяется? Устроим девичник.

– Нет. Все нормально.

– Точно?

– Конечно. Ты же со мной.

Не совсем понимаю, как это происходит, но... Первое: мы единогласно выбираем для просмотра ужастик. Второе: усаживаемся на большом зеленом диване рядком: Вадик, Кот, Оксана и я. Мы с Богданом часто смотрим вместе триллеры и ужасы, и наш главный прикол – пугать друг друга в са-

мые нагнетающие моменты, до того как на экране выпрыгнет монстр, а сейчас мне до него даже не дотянуться.

– Лисецкая, точно не хочешь выпить?

– Вадик, отстань от нее, – строго говорит Кот.

– Может, уже начнем? – предлагает Окси, ерзая на месте, и направляет пульт на телевизор.

– Оксан, ты точно выдержишь? – с искренней заботой интересуюсь я. – Мы могли бы...

– Да брось! Мы же не одни. Есть за кого прятаться, – перебивает она.

На экране медленно появляются кроваво-красные буквы на черном фоне, из колонок звучит угнетающая мелодия, и начинается фильм. Картина оказывается действительно жуткой, но благодаря комментариям Кота и Вадика мы больше смеемся, чем трясемся от страха. Окси, как и полагается леди, пищит каждый раз, увидев труп, а Вадик ее забавно пародирует. Кое-как досматриваем до финала. И вот двое выживших должны спастись из страшного места, но... Не тут-то было.

– А-а-а-а! – кричит Окси.

Поворачиваюсь и вижу картину пострашнее, чем на экране. Самую страшную на свете. Кот гладит Оксану по волосам, приобняв за плечи. Она упирается лбом в его плечо, он что-то шепчет ей, прикрыв глаза. Наверное, успокаивает, но я не могу расслышать точно. Уши закладывает. Дыхание сбивается из-за острого лезвия, которое резко проходит

между ребер и попадает в цель.

Собираюсь сосредоточить внимание на фильме, но натываюсь на печальный взгляд Вадика. Он только что понял, что фильмы ужасов снимают идиоты, которые не понимают, чего на самом деле боятся люди.

– Кто хочет кофе? – произношу уверенно, прикладывая максимум усилий, чтобы голос звучал так же, как всегда.

– Я! – Вадик вскакивает на ноги, будто у него под пятой точкой материализовывается ежик.

– А я бы сходил на перекур, – говорит Кот.

Слышу его, но не вижу. Нарочно избегаю взгляда.

– Можно на лестничной клетке. Я провожу, – подхватывает Оксана.

Ухожу на кухню. Включаю чайник. Пальцы ничего не чувствуют. Ни-че-го. Вадик садится за стол. Оба молчим. Не можем выдать даже одного коротенького слова. А если бы и могли, то вряд ли они были бы приличными. Ставлю перед одноклассником наполненную чашку и занимаю стул напротив. Тишина закручивается вокруг нас плотной, непроглядной воронкой, но не спасает от боли, а усиливает ее.

– Уступаю даме, – оживает Вадик. – Можешь уйти первой.

– Спасибо, – отвечаю тихо.

– Только придумай что-нибудь правдоподобное. Эти двое раскусят тебя за секунду.

– Хорошо. А ты как?

– Я могу сказать, что... – Вадик делает глоток кофе и ух-

мыляется. – Что у меня от кофе скрутило живот, потому что ты в него плюнула.

Тихо смеюсь, активно кивая:

– Это будет максимально правдоподобно.

Хлопает дверь, и мы оба вздрагиваем. То маленькое чувство безопасности и веселья, что удалось воскресить, прячется под стол. Вытаскиваю из кармана телефон и прижимаю его к уху, имитируя звонок.

– Да, мамуль, – говорю громко. – Ну что поделать. Хорошо, конечно. Скоро буду.

– Что такое? – спрашивает Оксана, появляясь в дверном проеме.

Кот стоит у нее за спиной. Вижу только его силуэт, глядя на подругу. Быстро прячу мобильник, словно он умеет говорить и может меня выдать.

– Мама звонила. Они с папой уходят по делам, мне нужно с мелкой посидеть.

– Да? Как жалко. Мы бы успели посмотреть еще один фильм, – расстроено говорит Окси и кривит губы.

– Вы и успеете, – бодро говорю я и встаю из-за стола. – Ладненько. Побегу. Просили побыстрее.

– Я могу пойти с тобой, – предлагает Богдан.

Его слова падают кирпичом на дно желудка. Не хочу. Нет. Не сейчас.

Я не готова.

Я могу наговорить глупостей.

Я боюсь.

– Нет, – улыбаюсь, взмахивая рукой. – Оставайся. Я справлюсь.

Прохожу мимо и бросаюсь к кедам. Чуть подрагивающими пальцами завязываю шнурки, в носу нестерпимо щиплет. Ой-ой... Скоро начнется ливень. Натягиваю улыбку и выпрямляюсь:

– Ну, пока.

– Бо, все в порядке? – тихо спрашивает Окси, шагая ближе, чтобы обнять.

– Да. Конечно, в порядке.

– Точно?

Каждая клеточка души кричит «нет!», но губы произносят совсем другое:

– Да.

– Напиши, как дойдешь домой.

– Ага.

Вскользь ловлю пронзительный взгляд серых глаз, прежде чем выскочить за дверь. Только бы он не догадался. Это будет позор. На третьем лестничном пролете слезы омывают горящие огнем щеки, и я впервые в жизни задумываюсь о значении слова «предательство».

Блуждаю в сумерках по знакомым с детства дворам. Домой, конечно же, нельзя. У меня есть примерно час, чтобы прийти в себя. Если вернусь в десять, родители не будут ругать. Скажу, что Богдан проводил.

Докатилась... Вру родителям. Оксане. Богдану.
Себе!

Что это было? Почему так произошло? Пытаюсь понять. Пытаюсь, но такое чувство, что ем стекло. Больно, но продолжаю жевать.

Гугл говорит, что предательство – это нарушение верности. Верности кому? Мне? А в чем заключается эта верность? Богдан не мой парень. Он даже не знает, что нравится мне. Как друг он не отказывался от меня, это я залезла в ракушку из выдумок Окси. Окси... Она ведь хотела помочь, старалась до последнего. И я сама сегодня сказала, что собираюсь отказаться от романтических чувств к Коту. Так есть ли где-то здесь предательство? Разум в тумане сомнений, а вот душа... Душа болит. Слышу ее крики. Она не может найти себе места, словно воздушный шарик, который потерял ниточку и вынужден бесцельно парить, пока в один момент не упадет сдувшимся куском резины на землю.

Не знаю, что делать. Мне обидно. Я люблю их обоих как родных и точно не хочу терять, но если между ними что-то возникнет... Как я буду жить? Смотреть на них каждый день через толстенное стекло отрешенности?

Нет! Ни за что!

Может, показалось? Да, Окси и Кот стали общаться лучше, но это еще ничего не значит. Возможно, они и правда станут друзьями, а я психанула из-за ревности. Кот всегда дружил из девчонок только со мной. Я привыкла быть для

него единственной в этом плане. А тут Окси. Она же замечательная, я могу его понять.

Да...

Вот так уже лучше.

Ничего страшного не случилось.

Привыкнем, и все будет хорошо. Дружить вместе – это же здорово. Даже Вадика примем в нашу компанию, если будет себя хорошо вести. Глубоко вдыхаю и вытираю мокрое лицо рукавом спортивной куртки. Вечерний ветерок заканчивает операцию по сокрытию следов печали, и я поворачиваю в сторону дома.

Завтра я поговорю с Оксаной и спрошу ее напрямую. У нас никогда не было секретов друг от друга. Уверена, она посмеется и скажет, что я дуручка, а потом подтвердит мое умозаключение. Да. Так и будет.

Глава 4

– Доброе утро, Лисенок, – ласково говорит мама, поглаживая меня по голове. – Прости, на самом деле уже обед, и ты мне нужна.

– М-м-м... Пять минут, мам... – сонно бормочу я. – Уже встаю.

Переворачиваюсь на спину, разминая затекшие мышцы.

– Милая, ты что, плакала?

Закрываю руками глаза. Боюсь представить, на кого я похожа.

– Нет. Наверное, опухла от газировки.

– Бо, я же не слепая. Вчера ты вернулась раньше и была расстроена, а сейчас это. Что-то случилось? Тебя кто-то обидел?

– Нет, – мотаю головой, словно это поможет уверить маму в правдивости слов. – У меня же переходный возраст. Пройдет.

– Хочешь поговорить об этом?

– Не очень. Сама справлюсь.

– Я в этом не сомневаюсь, Лисенок, но все-таки... Если тебе будет нужен совет или захочешь обсудить что-то, я всегда рядом и всегда буду на твоей стороне.

– Знаю, мам, – отвечаю, слабо улыбаясь.

– Хорошо, – вздыхает она, поднимаясь на ноги. – Умы-

вайся и приходи на кухню. Отец наконец-то крепко заснул, отлипнув от компьютера. Похоже, закончил проект. Порадуем его вкусным ужином?

– Конечно.

Время, проведенное на кухне с мамой, пролетает незаметно, но после плотного семейного ужина я снова вспоминаю о своей проблеме. Нужно поговорить с ними. Не хочу мучиться догадками. Сажусь на кровать и беру в руки телефон. С одной стороны, я уже так сильно соскучилась по Богдану, что хочется написать ему, а с другой... Проще спросить у Окси, она точно поймет меня правильно.

Захожу в чат сообщений, и последним висит мое, отправленное вчера, о том, что я дома и все хорошо. Оно так и осталось без ответа. Смотрю на дисплей еще несколько мгновений, размышляя о вчерашней ситуации, и вдруг вижу новое сообщение от подруги. Она меня будто чувствует.

Окси: «Приветик, Бо. Давай встретимся сегодня на нашем месте? Нужно поговорить насчет вчерашнего *смайлики-ангелочки*»

Сердце бьется так часто, что, кажется, может выпрыгнуть из груди.

Бо: «Привет. Конечно, буду там через пятнадцать минут *подмигивающий смайлик*»

Не помню, чтобы я хоть раз волновалась перед встречей с Окси. Мы знакомы с первого класса и с тех пор были почти как сестры. Никаких секретов и тайн, только поддержка, веселье и настоящая дружба. Все горести и переживания пополам, радость и счастье тоже. Если одной хорошо, вторая улыбается. Если плохо – плачет рядом. Помню, как меня укусила собака в шестом классе. Глупая история. Я ела пирожок, а маленькая дворняжка, видимо, обиделась на то, что ей не досталось. Окси, когда увидела следы зубов, ревела громче, чем я.

Подхожу к скамейке. Оксанка уже на месте. Сидит, уставившись в телефон, и бегло тарабанит пальцами по экрану. Останавливаюсь перед ней, она убирает мобильник в сумочку, закрепленную на поясе, но не спешит поднимать взгляд.

Первый тревожный звоночек.

– Привет, – говорю я, сжимая руки в замок.

– Привет, Бо... – печально вздыхает она.

– Что случилось?

– Я... Мне нужно кое-что тебе рассказать...

На дрожащих ногах подхожу к лавочке и сажусь рядом. Вина в ее голосе и грусть на лице – *второй тревожный звоночек.*

Не может быть... Нет! Я не хочу в это верить!

– Ну так рассказывай... – тихо произношу я, глядя в землю.

Она молчит. Долго. Слишком долго. Слышу, как стучит сердце. Все медленнее и медленнее. Вот-вот остановится, и я упаду замертво. Озвучиваю убийственную правду, сама нажимая на курок пистолета, что прижат к моему виску:

– Тебе нравится Кот?

– Я не хотела, Бо. Прости меня. Я... Я собиралась помочь, честно. Пыталась выведать у него о чувствах к тебе, узнать, есть ли шанс раскрыть их по-новому, но...

Поворачиваюсь и вижу слезы на ее щеках и приоткрытые в рваном дыхании губы. Я же на удивление спокойна. Чувствую себя пустой могилой и жду, когда Оксана продолжит рассказ.

– Он начал проявлять ко мне интерес.

Выстрел в упор.

Сердце замирает, глотая пулю.

– Я говорила ему, чтобы он забыл об этом, что мы друзья. Я даже сказала, что подозреваю о твоих чувствах и он должен посмотреть на тебя внимательнее, но...

Снова заминка, чтобы я в полной мере смогла ощутить всю боль поражения. Не могу сделать вдох, токсичный газ обиды разрывает легкие.

– Богдан... – говорит Оксана, хлюпая носом.

Она никогда не называла его по имени. Только Кот. А теперь... *Богдан...*

– Богдан сказал, что относится к тебе только по-дружески. А вчера, я не знаю... Я ужасна. Но, Бо, ты сама сказала, что

хочешь все закончить... А он... Мы... Я не знаю! Бо, прости меня! Пожалуйста! Я не хотела! Но это стало так трудно контролировать, когда я узнала его ближе...

Еще одна пуля.

Понимаю, о чем она. Сама чувствую к Богдану то же самое, но между нами есть разница. Ее чувства взаимны. Они могут расцвести и принести им обоим счастье. А я... Это зернышко не проросло. Кто в этом виноват? Точно не Оксана. Я прятала его слишком долго, и оно умерло без солнечного света.

– Бо? – тихо зовет Оксана, касаясь моего плеча.

Смотрю в светлые, полные слез и раскаяния глаза подружки. Это я виновата. Всех запутала. Не хочу, чтобы ей было больно. Не хочу, чтобы она плакала и мучилась из-за меня.

– Почему ты сразу мне не сказала?

– Мне было страшно. Я не хотела расстраивать тебя. Думала, все как-нибудь решится.

Короткий звук – сигнал сообщения из ее сумки.

– Это он?

– Да, наверное. Он тоже волнуется за тебя. Не хочет терять вашу дружбу.

– Ты сказала ему о моих чувствах?

– Нет! Я сказала, что догадываюсь, но не уверена! Я... Бо...

Новая волна слез накрывает Оксанку, а у меня они словно все исчезли. Высохли. Я думала, разбитое сердце – это ад-

ски больно. Что не смогу сдержать криков и слез, но... Чувствую только, как холодная рука пронзает кожу в районе груди, хватает и сжимает наспигованное пулями сердце до тех пор, пока оно не превращается в пыль.

И все...

Больше ничего нет...

– Оксан, эй! Прекрати, слышишь? Никто не умер. Ничего страшного не случилось. Ты нравишься ему, он тебе... Значит, так суждено. Это чувства, я не могу винить тебя за них.

Она отнимает ладони от лица и хлопает мокрыми слипшимися ресницами:

– Правда?

– Да.

– И ты была бы не против, если...

Пытаюсь поймать положение в пространстве, но, кажется, плыву где-то под водой. Что я сейчас должна чувствовать? Где все эмоции?

– Это решать не мне, – отвечаю приглушенно.

– Но ты наша подруга.

– Так и есть. Было и будет. Это не изменилось.

– Бо!

Оксанка бросается мне на шею, крепко обнимая. Глажу ее по спине и волосам, унимая дрожь.

– Ты самая лучшая подруга на свете.

Бах!

Третий выстрел насквозь пробивает пустую грудную

клетку.

Уже не важно, у кого в руках пистолет.

Оксана...

Богдан...

Я сама...

Уверена, что поступаю правильно. Они мои лучшие друзья. Запретить им быть вместе только из-за эгоизма? И кому станет легче? Не мне. Я желаю им лучшего. Пусть они будут счастливы рядом друг с другом.

А я...

А я не знаю...

Как-нибудь переживу.

Оксанка успокаивается спустя несколько минут.

– Бо... – говорит она, пытаясь поймать мой взгляд, но я смотрю сквозь нее. – Бо!

– Да?

– Тебе стоит поговорить и с Богданом тоже.

Туман из головы не уходит, наверное, организм выплеснул в кровь естественное обезболивающее, спасая меня от внутренней агонии.

– Что? – спокойно переспрашиваю я.

– Он волнуется не меньше меня. Переживает. Думаю, ему бы тоже хотелось услышать от тебя слова поддержки. Богдан так сильно дорожит вашей дружбой, что не знает, как к тебе подступиться, чтобы ничего не разрушить.

Дорожит нашей дружбой?

Дружбой, да?

Ненавижу это слово.

– Я позвоню ему сегодня и...

– Зачем? Мы собирались встретиться, он уже где-то неподалеку. Сейчас я ему напишу.

Попадаю в медленную зону. Хочу остановить Оксанку, но вместо этого лишь беспомощно наблюдаю за ее действиями, чувствуя невыносимую тяжесть собственного тела. Окси встает и берет меня за руку.

– Он в сквере, идем?

Киваю. Если и ломать кости, то все разом, чтобы не растягивать боль.

Окси ведет меня за собой, я едва переставляю ноги, но она не замечает этого или делает вид, что не замечает. Она болтает о чем-то, пытаюсь меня отвлечь, но я не слышу слов. Ее голос – белый шум. Минуем дворы и подходим к пешеходному переходу. Впереди сквер. Руки горят и потеют. Делаю крошечный шаг назад.

Не могу...

Оксана сжимает мою ладонь, не поворачивая головы.

– Что я ему скажу? Я не готова...

– То же самое, что и мне, Бо: что он твой друг и ничто этого не изменит. Вот увидишь, тебе станет легче, и нам всем тоже. Все будет отлично...

Загорается зеленый свет. Полоски зебры мелькают под ногами. В голове появляется ужасная мысль – было бы неплохо

хо, если бы сейчас меня сбила машина. Пара месяцев больницы кажутся лучшей перспективой, чем разговор с Котом.

Вижу его... Сковывающий лед нарастает толстой коркой под кожей. Богдан встает с лавочки, встречая нас. Несколько метров дорожки становятся тропой к гильотине.

– Давай, Бо. Я подожду здесь, – шепчет Окси и подталкивает меня в спину.

Так вот как чувствуют себя люди, приговоренные к казни, когда шагают к палачу? Колени дрожат, во рту сухо, виски пульсируют от напряжения.

Почему, Кот?

Почему она?

Почему не я?

Смотрю Богдану в глаза – в них смятение и беспокойство. Он прячет руки в карманы зеленых шорт и сжимает губы. Останавливаюсь. Между нами полметра, но они ощущаются как бездонная пропасть. Ничего уже не будет как прежде, но я могу попытаться сохранить хоть что-то.

– Привет, – произношу я, пытаюсь улыбнуться.

Выходит плохо, и мысленно я впервые разрешаю себе произнести правду: «*Я люблю тебя*». Фраза расцветает розовым кустом внутри меня. Колет шипами и пьянит сладким ароматом.

Улыбаюсь.

– Привет... – тихо отзывается Кот.

И снова я вижу в глазах дорогого человека стыд, вину и

боль... Нет, так не должно быть. Мои друзья будут счастливы. Я сделаю для этого все, что смогу.

– Кот, послушай... Только правда послушай, а не просто как радио в машине. У нас сложилась странная ситуация, которая всех запутала... – Облизываю пересохшие губы, глядя на ворот его футболки. – Я люблю тебя...

Сердце за мгновение собирается из пыли, чтобы разбиться во второй раз.

– Как друга, – заканчиваю фразу бессовестной ложью. – Только как друга. Ты важен для меня, и я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Давай оставим в прошлом все недопонимания.

Поднимаю голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Чтобы убедить его. Заставить поверить. Солнце выглядывает из-за облака и ослепляет меня, не давая разглядеть лицо Богдана. Надеюсь, на нем появилось облегчение. Протягиваю руку. Это последнее, что я могу.

– Ну так что? Друзья?

– Конечно, – отвечает Кот, крепко сжимая мою ладонь. – Конечно, друзья.

– Вот и отлично! Рада, что мы все прояснили, – оглядываюсь на Окси. – И за вас тоже рада.

– Правда?

– Кот... – качаю головой и вздыхаю. – Я когда-нибудь врагла тебе?

– Никогда, – ласковые интонации в его голосе, словно теп-

лые объятия.

Отступаю в сторону, расслабляя пальцы:

– Ладно. Раз уж мы все выяснили...

Кот не отпускает мою руку, удерживая рядом. Такое ощущение, что он недоволен или зол, но я не могу сейчас себе доверять.

– Мне пора, – освобождаю ладонь. – Пока.

Канат рвется, как нить. Уши закладывает от треска. Улыбаюсь, но не Богдану, а для него, слушая внутренний голос: *«Я люблю тебя. Всегда буду. Это ведь не запрещено. Никто об этом больше не узнает».*

– Увидимся в школе! – Машу Окси и отправляю ей воздушный поцелуй.

Кинув на Кота взгляд, ухожу по дорожке, что ведет к кинотеатру. Слежу за каждым шагом. Такое чувство, что кости собраны из старых деталек «Лего», которые не подходят друг другу. Как только большое старое здание позволяет скрыться за его стенами, дыхание рвется на судорожные вдохи и выдохи.

– Лисецкая, привет! А я тут в кино иду. Ты тоже?

Перед глазами появляется пара тапочек со смешными розовыми бантами и пухлые пальчики с кислотно-желтым педикюром. Поднимаю голову и в каре-зеленых глазах Маруси вижу свое отражение.

– Богдана, что случилось?

– Привет, Марусь... Ничего... Я просто... Мне нужно...

– Тише-тише... – Она обнимает меня и этим простым искренним жестом разбивает плотину, которая сдерживала поток болезненных чувств. – Ну его, это кино! Давай лучше ко мне пойдем? Родители на даче. У мамы есть отменный успокоительный чай. Я называю его «ведьмино зелье». Во- няет страшно, он из Африки. Поможет на раз-два, точно тебе говорю.

Киваю, размазывая слезы по ее футболке.

Маруся не настаивает на рассказе, и я молчу. Она болтает о всякой всячине, подливая мне чай, который действительно ужасно пахнет, но, похоже, правда помогает. Слезы заканчиваются. Знаю, что они еще вернутся, но сейчас можно передохнуть. Маленькая яркая кухня и веселая громкая девчонка становятся моим неожиданным спасением.

– Спасибо тебе, Марусь.

– Брось, Лисецкая. Мы же подруги.

Натянута улыбаюсь и киваю, не желая ее расстраивать:

– Конечно.

– Ты точно не голодная? У меня есть такие конфеты... Из Франции.

На столе появляется коробка обычных отечественных конфет, но я тактично молчу и хватаю сразу две штуки. Запихиваю их в рот и отвечаю:

– Шпа-фи-бо!

– Кушай-кушай... В шоколаде содержится счастье.

Если бы... Счастье живет внутри нас и прячется в людях, которых мы любим. Так же, как и несчастье. Невозможно быть полным только одним ощущением, приходится ловить баланс. Я потеряла надежду на взаимность, но сохранила друзей. Это счастье или несчастье? Надеюсь, когда-нибудь я смогу узнать, каково это, когда тебя любит тот, кого любишь ты. Остается только ждать и... Жить.

Глава 5

Следующие пару недель становятся пыткой. Я стараюсь, честно. Стараюсь вести себя как обычно, но это так трудно. Мало того что мне в подробностях приходится выслушивать от Окси об их встречах с Котом, так еще и усатый решает, что я лучший советчик в вопросах их отношений. И я застреваю в огненном кругу печали, из которого не могу выбраться. Стою у открытого огня, что опалает кожу, и улыбаюсь, делая вид, что мне не больно. Но я ведь сама на это подписалась. Чего теперь скулить? Кому нужны мои проблемы, кроме меня?

Окси радостно кричит и скачет, как кузнечик на сломанных ножках:

– Меня выбрали, Бо! Представляешь?!

– Поздравляю!

Каждый год в конце сентября в школе проходит конкурс для старшеклассниц «Мисс осень». Кого, как не Ромашову, могли выдвинуть для участия от нашего класса? Это будет битва титанов – Виолетта Цвиринько против Оксаны Ромашовой. Мне уже страшно.

Богдан с Вадиком появляются из толпы учеников, высыпающейся из столовой.

– Что за веселье? – спрашивает Кот, закидывая руку Окси

на плечо.

Крошечный укол зависти и ревности ощущается в груди, но я упрямо его игнорирую.

– Я буду «Мисс Осень»!

– Ты хотела сказать, что будешь участвовать? – уточняет Вадик.

– Шевчук, ты в меня не веришь?

А вот и еще одно новшество. Оксана начала называть Вадика по фамилии, а он в свою очередь стал вести себя с ней так, как раньше со мной. Все перепуталось. Все! И только два человека довольны. Нетрудно догадаться какие, верно?

– Круто, – улыбается Богдан и смотрит на свою девушку с гордостью.

– Да! И мне, кстати, нужна будет твоя помощь.

– Какая?

– Творческий номер! Будем ставить танец. Скорее всего, вальс, а может...

– С кем? Со мной? – усмехается Богдан и переводит на меня взгляд в поиске поддержки и понимания.

Развожу руками, поджимая губы. Даже я не стала бы спорить с Окси, если она уже что-то решила. Лишь бы не придумала, как и меня напрячь. Например, влезть под потолок и разбрасывать лепестки роз, пока они с Богданом будут кружиться в романтическом танце под французские сопли.

– А с кем еще? – удивляется Оксанка.

Кот бледнеет, а мы с Вадиком едва сдерживаем смех, ведь

оба знаем его слишком хорошо, чтобы понять по одному взгляду, что именно он думает об этой затее. От продолжения веселого разговора нас спасает звонок на урок. Литература будет долгой.

Эра Ивановна рассказывает об ответственности человека за свою судьбу на примере пьесы Чехова «Вишневый сад». Пытаюсь внимательно слушать учителя, но сосед по парте мешает.

– Отговори ее, – шепчет Кот.

– Сам отговори.

– Она твоя подруга.

– А твоя девушка.

– Лисенок... Ты представляешь меня, танцующим вальс?

– Еще нет, – ловлю смешинку ладошкой и наклоняю голову ниже, чтобы учительница не заметила, – но скоро смогу увидеть это своими глазами.

– А тебе весело, да?

– Ты не представляешь насколько.

– И ты не спасешь друга?

«Этот друг убил меня пару недель назад», – подсказывает внутренний голос. Накрываю его звуконепроницаемым куполом и возвращаюсь в реальность.

– Ты подписал этот контакт слюнями. Теперь живи с этим.

– Ну спасибо тебе.

Ладно, мне его жаль. Знаю, какая это будет пытка. Кот – спортсмен, ему не привыкать к судьям с оценками, но сцена

и танцы – не его стихия.

– Дам тебе совет, – вздыхаю я, не в силах больше выносить грустный кошачий взгляд. – Делай все максимально плохо. Окси ни за что не выйдет на конкурс с партнером, у которого не будет получаться идеально. Она найдет тебе замену и отстанет. Если ты, конечно, не против, чтобы твоя девушка танцевала...

– Точно, спасибо, – с облегчением произносит он, даже не дослушав. – Лисенок, ты моя героиня. Что бы я без тебя делал?

– Вероятно, танцевал бы вальс в ужасно неудобных туфлях под музыку, от которой возникает желание застрелиться.

Бег школьных дней нельзя остановить, как и разобрать бардак на моем рабочем столе. Распечатки, методические пособия, рефераты, тесты по английскому. Домашнего задания задают с каждым днем все больше и больше. Иногда возникает ощущение, что я могу поступить в МГУ, но после очередной тройки за самостоятельную работу думаю, что такую дурочку не возьмут даже в ПТУ.

Окси последние несколько дней одолевает меня мелодиями для творческого номера и фасонами платьев. Никак не может определиться: русский или зарубежный исполнитель, пышное или прямое в пол? Вот проблемы у человека. Не то что у меня.

Окси: «Богдан не справляется. Я уже не знаю, что делать. У него не просто две левые ноги. У него две левые руки бабуина вместо ног *куча рыдающих смайликов*»

Бо: «Сделай ему скидку. Он до этого никогда не танцевал вальс... Вообще ничего не танцевал! *смеющийся смайлик*»

Окси: «Скидку? Да я ему штраф выпишу! Больше никаких поцелуев, пока не научится. Вот! Решено! *хитрый смайлик*»

Смотрю на дисплей телефона, а перед глазами он. Их поцелуй. Я уже пережила его в реальности и отчаянно стараюсь забыть, но не могу.

Бо: «*смайлик-улыбочка* *смайлик-рука, показывающая большой палец*»

Возвращаюсь к заданию по математике, но телефон снова оживает. Да что ж это такое? Я одна, что ли, учусь в нашей школе?

Ком: «*видео: Свадебный вальс, где жених роняет невесту в торт*»

Бо: «Смотрю, ты усердно готовишься к конкурсу»

Кот: «Оксана не сдаётся. Легче прыгнуть с парашютом, чем вот это вот все...»

Бо: «Хочешь, сломаем тебе ногу? Тогда точно не сможешь танцевать»

Кот: «Какая ты добрая. Просто ангелочек»

Бо: «*смайлик-ангел* *смайлик-топор*»

Кот: «Ты действительно смогла бы сломать мне ногу?»

Бо: «Нет, ты что?! Конечно нет!»

Бо: «У меня не хватило бы сил. Мы бы нашли кого-нибудь побольше *улыбающийся чертик*»

Кот: «Вот спасибо, Лисенок. Ты настоящий друг. Никогда не бросишь в беде *смайлик, закатывающий глаза*»

Бо: «Для тебя все что угодно, Кот. Обращайся *улыбающийся смайлик*»

На экране танцуют три точки. Богдан печатает что-то еще, жду, затаив дыхание. Может, я и пытаюсь делать вид, что ни-

чего не изменилось, но это не так. Это только роль, которую мне легко играть, ведь она моя собственная. Я ее придумала и теперь мучаюсь.

Точки исчезают. Сообщения нет.

Наверное, глюк.

Актный зал украшен белыми и желтыми шарами и искусственными золотыми листьями, над которыми трудились начальные классы. Помогаю с организацией и делюсь опытом с новой ведущей. Восьмиклассница Алина так сильно нервничает и переживает, что хочется обнять ее и не отпускать, пока все не закончится.

– Еще целая неделя, Алин. Ты запомнишь текст, не переживай.

– Богдана! – зовет Галина Витальевна. – Оксана до сих пор не принесла музыку для творческого номера. Не знаешь, она вообще готовится?

– Конечно. Они сейчас с Кошиком репетируют в классе хореографии.

– Можешь ее позвать, пожалуйста?

– Да, хорошо.

Спускаюсь на первый этаж и прохожу мимо столовой к дальнему крылу, где спрятаны музыкальный и танцевальный классы. Тонкая лирическая мелодия льется навстречу и приглашает следовать за ней. Заглядываю за дверь. Красная Оксанка что-то возмущенно объясняет Коту, а он скучающим

взглядом смотрит в окно.

– Привет! – произношу я, давая о себе знать. – Окси, там тебя Галинушка зовет. Она в актовом.

– Хорошо, иду, – вздыхает подруга. – Бо, может, ты попробуешь? Я уже без сил.

– Попробую что?

– Поучи его. Если уж у тебя не получится, то я не знаю... Придется искать кого-то еще.

– Э-э-э... – Перевожу взгляд на Богдана, он незаметно подмигивает мне. – Хорошо.

– Спасибо.

Оксанка хватает сумочку и выскакивает в коридор. Улыбка чеширского кота появляется на лице друга:

– План почти сработал.

– Поздравляю, – хмыкаю я и, складывая руки на груди, облакачиваюсь о пианино, стоящее у зеркальной стены.

Богдан подходит ко мне и протягивает руку. Смотрю на его ладонь. Такая большая. Раньше я этого не замечала. Или не придавала значения.

– Что ты делаешь?

Поднимаю взгляд и вижу внимательные серые глаза с толикой привычного лукавства.

– Приглашаю тебя на танец.

– Я не...

– Да ладно, Лисенок, попробуй. Вдруг у тебя действительно получится меня научить.

Вдыхаю побольше воздуха и касаюсь пальцами его горячей ладони. Богдан перехватывает мою руку и уверенно выводит в центр зала. Обнимает за талию, притягивая ближе. Пылинки разбитого сердца трепещут, будто собираются подняться и вновь стать единым целым.

– Готова? – тихо спрашивает Кот. – Ты ведь знаешь шаги? Голоса нет, поэтому просто киваю, и... Мы танцуем. Правда танцуем. Несложный вальсовый квадрат.

Назад. Вправо. Приставить.

Раз. Два. Три.

Кот крепко держит мою руку, глядя в глаза. Чувствую каждый его шаг, прежде чем он его сделает. Мы словно парим. Не могу поверить.

– Ты... Ты танцуешь.

– За эту неделю и калека бы научился, – усмехается он.

– Тогда почему не хочешь выступить? У тебя хорошо получается.

Богдан прижимает меня к груди, поднимает и кружит. Дыхание перехватывает от ощущения полета. Он смотрит мне в глаза, не моргая, и медленно возвращает на пол:

– Лисенок, я...

Богдан не заканчивает фразу и делает шаг, который я не успеваю предвидеть. Теряю равновесие, запутавшись в ногах и неуклюже взмахивая руками.

– И ее роняешь? – возмущенно говорит Окси. – Ну как он, Бо? Совсем безнадежен или просветы есть?

Богдан меня отпускает. Становится холодно. Смотрю на подругу, а после снова на друга. Кот сверкает серебром в глазах, умоляя молчать. И передо мной становится выбор. Первый раз в жизни. Чья я подруга? Сказать правду ради одной или солгать ради второго?

Секунда на раздумья.

– Это фиаско, Оксан. Он мне все ноги отдал.

В пятницу после школы надеваю почетную медаль старшей сестры и остаюсь с малышкой дома, отпуская родителей за покупками. Не знаю, как в других семьях, но в нашей мама неделями уговаривает отца съездить и купить несколько новых рубашек, ведь те, которые приносит она или заказывает с доставкой, ему не нравятся от слова совсем. Ему вообще невозможно угодить. Так что остаться с Ангелочком не такая уж сложность, в отличие от того, что сейчас придется терпеть маме. А заодно я могу серьезно поговорить с сестрой без лишних ушей.

– Гель, пока ты еще малышка и не можешь делать ошибки и глупости, я дам тебе совет. Никогда, слышишь, никогда не пытайся жертвовать собой и своими чувствами. Не будь такой дурочкой, как я, ладно?

Ангелина в ответ хлопает голубыми глазами.

– Да... – отвечаю вместо нее. – Я никому не дам тебя в обиду. Обещаю. Вот сейчас сама все шишки соберу, чтобы потом поделиться опытом...

Телефонный звонок прерывает мою речь.

– Погоди, солнышко. Нужно ответить.

Беру в руки мобильник, на дисплее селфи полугодовой давности: мы с Окси на школьной елке. Ее белые волосы блестят в искусственном свете, а черное бархатное платье сидит точно как на модели. И рядом я в белой толстовке с Безумным Шляпником. Недовольная и насупленная, потому что не хотела танцевать, а эта юла вытащила меня да еще и фоткаться заставила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.